Литературная страница

КОМСОМОЛЬЦАМ 29-го МАРТЕНА

Две ванны мартена — новинка,
но мир открывать молодым.
Вы снова сошлись в поединке
с мартеном один на один.
И как подступиться — не знали,
и каждую смену «козлы»,
и шепот: «В долгах... не до стали —
за займом к нам будут послы».
Но нет, комсомол не нахлебник,
горячее сердце, стучи!
Отчизне засветишь ты в небе
звезды отдаленной лучи!
В работе упорно дерзали,
хоть шли вы порой наугад.
И новыми тоннами стали
ответил вам огненный ад.
Над цехом огни, как знамена,
не выразить гордость словам...
И стомиллионную тонну
Доверила партия вам!

А. ВАСИЛЬЕВ,
машинист заливочного крана.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНАТА. Линогравюра П. Хныкина.

КОНКУРС „50 ЛЕТ ВЛКСМ"

Сегодня мы публикуем часть произведений, представленных авторами на конкурс «50 лет ВЛКСМ».

Идя навстречу пожеланиям читателей газеты «Магнитогорский металл», жюри решило продлить литературный конкурс, посвященный полувековому юбилею Ленинского комсомола, до первого октября 1968 года.

Дорогие читатели! Просим присылать в редакцию газеты ваши отзывы о публикуемых материалах. Ваши оценки будут учтены при подведении итогов конкурса.

Р. Дышаленкова

ВЗОЙТИ БЫ МНЕ УРАЛЬСКОЮ БЕРЕЗОЙ

Леса — на горы, горы —
на леса!
Сосна бок о бок с камнем и
березой.
А по лесистым склонам
осторожно
идут-бредут лесные чудеса.
Там в горных речках гибкая
форель
над снастью рыболовною
колдует,
там, утопая в серебристых
струях,
бубенит бестолковый
коростель.
Там за подранком мчится
налегке
мужское предприимчивое
племя,
убито наповал дуплетом время,
мозоли на ногах, на языке.
Там меж огромных сосен маяки
пожом огня распарывают
полночь,
толкуют меж собою котелки,
им, черным от походов, есть
что вспомнить.
Безбрежные уральские леса!
То, верно, души древних
предков наших.
А древних ли? Как молоды
глаза
застенчивых и ласковых
ромашек!
И все-то, все в лесу оживлено:
слышны и смех, и жалобы,
и слезы.
И если умереть мне суждено,
взойти бы мне уральскою
березой.

Что ты смотришь...

Что ты смотришь мне вслед,
дорогой человек?
Ты же знаешь ответ:
мы чужие навек.

Я не скрою — люблю
теплоту твоих рук,
глубину твоих глаз,
мой единственный друг.

Я припала б
к твоей седине на висках,
целовала бы
жилки на сильных руках,
только гордая совесть,
твоя и моя,
нас с тобой развела,
словно строгий судья.

Остановлюсь от счастья...

Не то, чтоб я была верна кому-то,
не то, чтоб верила наивно одному...
Но вот приходит горькая минута,
но вот становится невыносимо
круто,
и, может, безысходно потому.
В такой момент завьюженный
прохожий
увязнет в черноте ослепших глаз
и, вздрогнув, остановится и,
может,
мне руку неуверенно подаст.
И если, в этом спутнике
случайном
тебя узнав, поверю миражу,
остановлюсь от счастья и
отчаянья,
заплачу и ни слова не скажу.

А. ЛОЗНЕВОЙ

ВТОРАЯ РОДИНА

ТАК СТРОИЛАСЬ МАГНИТКА

ПОЕЗД ЛЕТЕЛ навстречу ветру, оглашая грохотом степь. Я стоял у окна вагона и думал: а какими они стали, места, где жил, работал? Узнаю ли?.. Увижу ли друзей?..

На горизонте уже маячили заводские трубы, смутно вырисовывался город. Хотелось скорее ступить на его улицы, оглядеть дома, скверы, пройтись по цехам завода; повидаться с юностью.

Да, она прошла здесь, наша беспокойная юность! Прошла в труде, в заботах, в борьбе с трудностями. В великом напряжении, по-ударному мы возводили этот город и этот завод. Со всех сторон нам угрожали враги и мы не могли медлить, не имели права успокаиваться. Тревога жила в наших сердцах. Мы отдавали стройке все. Вместе с бетоном и кирпичом в эти вечные стены и своды мы вложили и свою молодость.

Не отрываясь от окна, я смотрел на громаду домен, на строй мартеновских труб и безмерно радовался силе и могуществу, которыми так славен сейчас металлургический гигант.

— А это — «комсомолка»! — говорит моя спутница Нина Ивановна Козельская, много лет проработавшая на Магнитке.

Еще девчонкой Нина Ивановна стала машинистом коксовыталкивателя. Это она летом 1931 года выдала первый кокс на батарее № 8 и о ней тогда написали в «Правде». Сейчас она живет в Минске и едет в Магнитку, чтобы собрать документы для ухода на пенсию.

Когда начинали строить завод, я переходил речку вброд, а теперь она стала рекой, разлилась на несколько километров. И город — на берегу. Он так и планировался. Он почти весь ушел теперь на правый берег.

Отжил свое деревянный вокзал. Уже и места не узнать. Не увидел я и деревянных бараков. А сколько их было! На пятом, на одиннадцатом, на шестом участках, на знаменитой Ежовке!.. Отжили свое палатки и бараки, отжили землянки, что долгие годы обступали строительство со всех сторон и назывались почему-то «Шанхаями».

НОВЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ город встал перед моими глазами. И вокзал, и школы, и драмтеатр — все сделано с наибольшими удобствами для людей, создано по последнему слову науки и техники. Все не такое, не похожее на то, что было, и в то же время все такое, каким мы его хотели видеть. Скверы, цветы, зеленые дворы — поистине город-сад!

Я всматриваюсь в архитектурные ансамбли, стою, задрав голову, и люди, проходящие мимо, понимают — приезжий. Хорошо мне в этом городе, но в то же время немного грустно. Вглядываюсь в сотни лиц и не вижу ни одного знакомого. Где же они, бывшие плотники, грабари, монтажники? Милые, озорные, трудолюбивые! Где они, дружки-товарищи, с которыми начинал жить, трудиться; смеялся и пел, делился с ними своими радостями и горестями. Будто никого и не было! И я будто нахожусь не в этом, а в каком-то ином, «чужом» городе, где никогда не бывал и меня здесь видят впервые.

Нет, я здесь свой! Я такой же, как и вы все, идущие по тротуарам магнитогорцы. И это — мой город!

И опять в памяти прошлое, пережитое, — имена, события, образы друзей. Сколько их было, знакомых и друзей! Где же они?.. Как сложились их судьбы? Конечно, не все выехали, не все на войне погибли... Кто-то остался. И захотелось сразу, с ходу навести справки, разыскать хотя бы одного, двух...

В одном из домов, куда я зашел по старому адресу, женщина крайне удивилась: столько лет прошло! Но старик, окинув меня взглядом, сказал: «Василь Захарыч?.. Ну, да он, Васька!.. Как же, выучился, инженером стал... В Соколовск-Сарбайск перевели... Может, слышал?»

В другом доме мне дали адрес старого друга, который служит в армии. Но что мне адрес! Я хотел увидеть его здесь.

Не помогло и адресное бюро. Многие действительно выехали, отбыли кто куда. Некоторые из них уже никогда не вернутся. Вечным сном спит на немецкой земле бывший химик-лаборант Петя Калугин. Остался в песках Монголии молодой конструктор Лева Гупер. Пропал без вести журналист Гриша Зарубин.

В гостинице я снова листал телефонную книжку, перечитывал фамилии. Тысячи фамилий и все незнакомые, чужие... Но вот одна из них сверкнула, как живая, заставила вздрогнуть. Тут же набираю номер телефона. Жду. В трубке — мужской голос.

Да, это он. Это — его голос! Прошло столько лет, а в голосе что-то осталось такое, что никогда не забывается. Мы сразу узнали друг друга, хотя не виделись почти тридцать пять лет.

Тяжелая сложилась судьба у Бориса Ручьева. Много лет провел он вдалеке от своей Магнитки. Оклеветанный, но чистый душою, не сломленный и не сдавшийся, прошел он эти страшные годы испытаний. Ему твердили, что он недруг, а в нем билось сердце патриота. Ему внушали, что его отвергла Родина, а он страстно воспевал ее в своих поэмах.

Мы говорили с Борисом Александровичем почти сутки. Нам казалось, что не все сказали, многое упустили. И мы опять начинали с воспоминаний, с первых дней магнитостроя, с тех поистине героических лет, когда мы, комсомольцы и молодежь, шли в бой за новую жизнь и побеждали.

ПОМНЮ, СОШЕЛ Я, вербованный, вместе с хлопцами с поезда. У свежепроложенного железнодорожного полотна — горы угля, кирпичей, бревен. В низине над речкой поднимаются первые цехи. У подножья горы — бараки, бараки... Палаток уже нет. Дальше широкая, необозримая степь. Ни деревца, ни кустарника, только шуршит поземка, да завывает ветер. Я в тапочках, в легком пиджачке, что приобрел в Харькове. Холодно, но меня спасает чемодан. Я напрягаю силы, тащу его, и у меня на лбу выступает пот.

Мы долго рассматриваем гору Магнитную, о которой говорил весь мир, и считаем себя счастливыми, потому что стоим с нею рядом. Да, мы прибыли сюда, чтобы вступить с нею в бой, взять у нее драгоценные клады, что пролежали без всякой надобности долгие тысячилетия. Мы пока почти ничего не умеем. Научимся!

Идем на пятый участок. Где-то там — отдел кадров. Плутаем среди бараков. Они, бараки, все на один манер — и пока ни улиц, ни номеров... Не все сразу! Кто-то, наконец, показал нам отдел кадров. Но тут выясняется, что нам прежде всего надо на Ежовку — в санпропускник, или, как его попросту называли, — вошебойку. Без справки из вошебойки в отделе кадров и разговаривать не хотят. Что ж, правильно! На стене одного из бараков черными крупными буквами так и написано: «Вошь — опаснее врага!»

(Продолжение следует).